

УДК 165.02

DOI:

10.15372/PS20190105

А.С. Зайкова

Л. ВИТГЕНШТЕЙН И У. КУАЙН О ПОЗНАНИИ СЛОВА*

В статье исследуются позиции Л. Витгенштейна и У. Куайна в отношении проблемы познания слова как части проблемы значения слова. Проигнорированный в «Логико-философском трактате» вопрос о том, как познается язык в его пропозициональных фактах, подробно рассматривается в «Философских исследованиях», что порождает широкий пласт понятий, идей и сомнений. Куайн вслед за Витгенштейном обращается к изучению познания слова, но отвергает сомнения и концентрируется на натуралистическом подходе. Это позволяет ему выстроить свою модель научного знания, используя в качестве ее отправного элемента именно слово и то, как мы слово познаем.

Ключевые слова: Витгенштейн; Куайн; эпистемология; семантика; языковые игры; контекст; значение слова

A.S. Zaykova

L. WITTGENSTEIN AND W. QUINE ABOUT KNOWING THE WORD

The article studies L. Wittgenstein's and W. Quine's attitudes towards the problem of the cognizing of the word as a part of the problem of the word meaning. The question of how we cognize the language in its propositional facts which was ignored in *Tractatus Logico-Philosophicus* is analyzed in detail in *Philosophical Investigations* and gives rise to a wide range of concepts, ideas and doubts. Quine, following Wittgenstein, starts to study the cognition of the word but overrides uncertainty and focuses on the naturalistic approach, which allows him to build the model of scientific knowledge based exactly on the word and the way we cognize the word.

Keywords: Wittgenstein; Quine; epistemology; semantics; language games; context; word meaning

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект №18-311-00113).

В философской литературе проблема познания слова зачастую рассматривается исключительно как аспект проблемы значения слова и проблемы следования правилу [8]. Так, подробно изучает этот аспект М. Даммит, который утверждает, что теория значения считается приемлемой лишь тогда, когда она устанавливает отношение между знанием семантики языка и способностями к его использованию, и что содержание наших предложений ограничено нашим обучением [7, с. 7–8]. Другой подход предлагают Дж. Барвайс и Дж. Перри, ищущие истоки лингвистического знания в ситуативном контексте. Они убеждены, что истинными средствами передачи значения являются предложения естественного языка, используемые в конкретных ситуациях [7, с. 10–11]. Некоторые исследователи вообще отрицают важность познания слова. Так, Дж. Серль полагает, что лингвистические акты – продукт исключительно интенциональных состояний, но это противоречит современным традициям и научным данным [7, с. 12–14].

Тем не менее проблему познания слова можно выделить как самостоятельную, что было сделано еще Л. Витгенштейном в «Философских исследованиях» и У. Куайном в статье «Неопределенность перевода». Сегодня мало кто сомневается во влиянии работ Витгенштейна на творчество Куайна. Куайн сам упоминает, временами поддерживая, временами критикуя, некоторые аспекты философии Витгенштейна, в частности при обсуждении проблемы индукции и остенсивного подхода. Однако преемственность идей в данном случае, по-видимому, недооценена, поскольку Куайн не только пытается построить модель научного знания, как ранний Витгенштейн, он также следует за поздним Витгенштейном в том, что касается значения слова, и вслед за ним значительную часть вопроса о значении слова сводит к вопросу о познании слова. Ниже мы рассмотрим некоторые работы Витгенштейна и Куайна и покажем преемственность в их философских идеях, касающихся познания слова.

Л. Витгенштейн о необходимости познания слова

Вопрос о возможности использования слова как познавательного элемента ставится еще в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна. Утверждая, что «все, что может быть сказано,

должно быть сказано четко» [1, с. 7], Витгенштейн пытается обозначить границу для выражения мыслей. Он строит познавательную цепочку: мир описывается фактами-предложениями, а они, в свою очередь, состоят из простых знаков – слов. Мы соединяем слова определенным логическим образом, составляя предложения, а предложениями описываем наше представление о мире, получая всю совокупность естественных наук. Витгенштейн формулирует это следующим образом:

«3.14. Суть пропозиционального знака в том, что его элементы, слова, соединяются в нем определенным образом. Пропозициональный знак есть факт» [см.: 1].

«3.12. Знак, посредством которого мы выражаем мысль, я называю пропозициональным знаком (Satzzeichen). И предложение есть пропозициональный знак в своем проективном отношении к миру» [см.: 1].

«4.11. Совокупность всех истинных предложений есть все естествознание (или совокупность всех естественных наук)» [см.: 1].

Однако проблема познания слова в «Логико-философском трактате» не признается значительной. Витгенштейн пишет о ней следующее: «4.026. Значения простых знаков (слов) должны быть нам объяснены, чтобы мы их поняли. Но мы объясняем при помощи предложений» [см.: 1].

При этом: «4.021. Предложение есть образ действительности, потому что я знаю представленное им положение вещей, если я понимаю данное предложение. И я понимаю предложение без того, чтобы мне был объяснен его смысл» [см.: 1].

Таким образом, Витгенштейн предлагает понимать смысл отдельных слов через предложения, а предложения понимать исходя из знания окружающей действительности. Если же о чем-то нельзя сказать ясно, то об этом следует молчать. Но как узнать точное, ясное значение любого слова, как определить границы его использования? Этот вопрос опускается, возможно потому, что иначе пришлось бы признать, что ни о чем нельзя сказать в полной мере ясно, а значит, молчать стоит всегда.

Позднее в «Философских исследованиях», написанных им более чем через 20 лет, Витгенштейн признает, что «первая книга содержит серьезные ошибки» и что вопрос об использовании слова

как инструмента познания намного более неясен, чем это кажется на первый взгляд. Отталкиваясь от позиции Августина («Слова языка именуют предметы. Каждое слово имеет значение» [2, п. 1]), он исследует то значение, которое несет в себе конкретное слово, а также то, как это значение соответствует употреблению, и то, как можно овладеть этим значением: «“Представляется, будто мы можем разом схватить все употребление слова”. Да мы и говорим, что делаем это. То есть иногда описываем то, что делаем, именно этими словами. Однако в том, что происходит, нет ничего поразительного, ничего странного. Станным это становится в том случае, когда склоняет нас к мысли, что будущее развертывание уже каким-то образом должно присутствовать, а между тем не присутствует в акте понимания. Говорим же мы, нисколько не сомневаясь, что понимаем это слово, а между тем его значение заключено в его употреблении» [2, п. 197].

Здесь уже Витгенштейн видит тот парадокс, который ускользнул от него или же был намеренно проигнорирован в «Логико-философском трактате»: «Нужно уже что-то знать (или уметь), чтобы быть способным спрашивать о названии» [см.: 1]. И сам же предлагает ответ, что именно нужно знать: некоторую языковую игру, в рамках которой и идет узнавание значения слова. Невозможно, по его мнению, обойтись простым указанием пальцем: «Укажи на лист бумаги! А теперь укажи на его форму, теперь на его цвет, теперь на его число» [см.: 1].

При этом Витгенштейн признает, что есть некоторые «характерные переживания», «характерные» потому, что они часто (но не всегда) повторяются, когда “подразумевают” форму или число» [см.: 1]. Но их недостаточно, чтобы объяснить, что такое «король» в шахматах или «это» в указательном определении «это называется...». Нам нужна языковая игра, нам нужно знать правила этой языковой игры. Для того чтобы изучить игру, нужно каким-то образом получить набор ее правил. Иногда это может быть законченная инструкция, как при игре в шахматах, но часто достаточно просто наблюдать за чужой игрой. «Игре обучаются, глядя на игру других» [см.: 1]. Характерное поведение игроков позволяет понимать, когда игрок ошибается. Так, мы видим, что человек оговорился, хотя не знаем языка, на котором он говорит. Познавая какую-то игру, мы тоже пробуем в нее играть, догадываясь о правилах этой игры.

Но на чем же основана наша уверенность, что мы используем слова правильно? «Уверенность, что я смогу продолжить ряд, после того как обрел данный опыт, например усмотрев эту формулу, жидется просто на индукции» [2; п.3 80], – пишет Витгенштейн. «Как функционирует какое-нибудь слово, нельзя угадать. Следует глядеться в его употребление и научиться на этом. Трудность, однако, состоит в том, чтобы устранить предрассудок, препятствующий этому обучению. Это не глупый предрассудок» [Там же]. И далее Витгенштейн указывает на проблему, решения которой он не предлагает: «К персональному переходу от увиденного к слову нельзя было бы применить никаких правил. Правила здесь и впрямь повисали бы в воздухе; из-за отсутствия института их применения» [Там же].

Как представление переходит в предложение? И можно ли в действительности утверждать, что конкретное предложение означает конкретное представление? Переход от того, что мы думаем об окружающей действительности, к тому, что мы о ней говорим, оказывается неясен. Кроме того, знать значение слова невозможно вне определенного контекста и без знания прочих слов, дающих нам представление о контексте. Это вызывает определенное затруднение в том смысле, что непонятно, откуда начинается познание: познавательный процесс образует замкнутый круг. Каким-то образом, не зная правил языковой игры, не зная никаких ее составляющих, просто наблюдая за чужой игрой, мы способны ею овладеть.

Значение философских исследований Л. Витгенштейна в контексте проблемы познания слова состоит в том, что он впервые поставил саму проблему, наметил возможный путь ее решения и сам же предложил критику этого пути. Дальнейшее развитие проблема познания слова получила в работах У. Куайна, к рассмотрению которых мы переходим теперь.

Теория У. Куайна о возможности познания слова

В отличие от Л. Витгенштейна У. Куайн не беспокоится о внутренних переживаниях – он не сомневается, что мы отдаем себе отчет в том, что имеем в виду, произнося то или иное слово [6, с. 22]. Для него важнее внешняя сторона дела, и его позицию можно считать оправданной, поскольку язык в первую очередь является, по-видимому, средством передачи экологически значимой инфор-

мации, а не выражению незначительных для выживания проявлений внутренней жизни конкретных индивидов. В познаваемости слова Куайн видит не столько затруднение, сколько новый объект исследования, обнаруживая, что зачастую достаточно фактического контекста – некоторых внешних условий и фактов, не насыщенных правилами и языковыми смыслами и работающих по модели «стимул – реакция». Индукция здесь стоит далеко не на последнем месте: «Ценность простой индукции для выживания заключается в предчувствии чего-нибудь съедобного или упреждении возможности быть съеденным» [4, с. 39]. И далее Куайн утверждает: «Если две сцены вызывают перцептуально сходные глобальные стимулы у одного очевидца, они, как правило, оказывают такое же воздействие и на другого... Исходные стандарты... прививаются посредством естественного отбора и имеют тенденцию к гармонии внутри стаи благодаря общим корням и окружающим условиям. ... Сами звуковые сигналы и язык способствуют упорядоченности. Случайные отклонения среди индивидов устраняются при восприятии сигналов друг от друга» [4, с. 39].

Для пояснения своей позиции Куайн сначала ведет речь о птицах и обезьянах; он утверждает, что для них стандарты звуковых сигналов – следствие естественного отбора, закрепляющего сходные реакции на сходные стимулы. Далее он говорит, что для человека это тоже имеет место. Предложения наблюдения, такие как «Идет дождь», «Холодно» или «Собака!», он считает имеющими ту же перцептивную природу: «Для индивидуума предложение наблюдения связано с рядом перцептуально сходных глобальных стимулов, так же как крики птиц или обезьян для отдельных птиц и обезьян» [4, с. 44] И «Молоко!», и «Холодно!» являются лишь тем, что следует говорить в определенной ситуации. Естественная саморегуляция языкового поведения уточняет значение слов. Такие предложения выступают отправной точкой в языке и в историческом смысле, и при вхождении в новое языковое сообщество, как для ребенка при обучении его первому языку, так и для иностранца в новой языковой среде.

Тем не менее, именно при обучении иностранца новому языку явно демонстрируется затруднение, поднимаемое Витгенштейном: «Я не тревожусь, как тревожился Витгенштейн, по поводу простых случаев указания пальцем... Красочное слово «сепия» (возьмем один из его примеров) может, конечно, быть заучено обычным пу-

тем подбора примеров, или индукции. Однако между «кроликом» и «сепией» имеется огромная разница, состоящая в том, что «сепия» – термин массы, наподобие «воды», «кролик» же – термин расходящейся референции. С ним как таковым невозможно справиться, не справившись со свойственным ему принципом индивидуализации: где исчезает один кролик и возникает другой. А с этим невозможно справиться путем простого указания пальцем, пусть даже настойчивого». [3]

Здесь Куайн разделяет термин массы, познаваемый с помощью индуктивного подхода, и термин референции, который при использовании того же индуктивного подхода сталкивается с трудностью индивидуализации, например выделения именно кролика из окружающего его мира без выделения его отдельные части. Надо сказать, что и в случае «сепии» возникает сходная трудность: если мы обучаем другому слову «сепия» через множество круглых шероховатых предметов цвета сепии, то мы не можем быть уверены, что обучили его, что сепия – это цвет, а не форма предмета или характеристика его поверхности. Однако мы можем с большой долей уверенности полагать, что обучаемый понял, что сепия – характеристика разных предметов, и при дальнейшем обучении уточнить, что именно эта характеристика обозначает. В случае с кроликом такой уверенности нет. Мы можем отличить ситуацию «кролик» от ситуации «тигр» путем индукции, но как отличить ситуацию «кролик» от ситуации «кролик в лесу», «уши кролика», «я указываю на лапу кролика», если во всех случаях обучения есть лес, кролик с ушами и лапами и указующий куда-то в ту область жест туземца?

Чтобы разрешить возникшее затруднение, Куайн обращается к практике лингвистов: «Неявная максима, направляющая выбор “кролика” и такие же выборы для других слов туземного языка, состоит в том, что достаточно стабильный и однородный объект, передвигающийся как единое целое на контрастирующем фоне, представляет собой весьма вероятный референт короткого выражения. Если бы лингвист осознавал эту максиму, он, вероятно, возвел бы ее до уровня лингвистической универсалии или характерной особенности всех языков. Зачем ему вникать в ее психологическую навязчивость? Он, однако, был бы неправ; эта максима – его собственное измышление, позволяющее вносить определенность в то, что объективно неопределенно. Это очень разумное измышление, и я не могу порекомендовать ничего другого» [см.: 3].

В этих строках наглядно демонстрируется «натуралистический поворот», отстаиваемый Куайном, – одна из самых влиятельных идей философа, получившая свое развитие в эволюционной эпистемологии и философии сознания. Немыслимо, чтобы такое решение увидело свет в классической философии, однако во второй половине XX в., в рамках тенденции к прагматизму в аналитической философии оно уместно и закономерно. Проблема референции остается; практика, которую предлагает Куайн, не решает ее в полной мере, но лишь помогает ее обойти.

Далее Куайн рассматривает переход от простейших предложений наблюдения к отрицательным и составным с использованием связок «не», «и». Такие связки познаются из освоения сложного предложения как целого и выделения из него независимых компонентов, опять же благодаря социальной практике. Это уже уровень наблюдения и уровень языка, несравнимые с тем, что доступно птицам и обезьянам. Изучая все новые и новые связки, человек способен конструировать новые предложения и даже предикаты наблюдения, после чего ему уже доступен «шаг за рамки обычных предложений наблюдений, а именно – обобщенное выражение ожиданий» [4, с. 48]. Речь идет о категорических предложениях наблюдений, первых зачатках научных теорий: «Когда идет снег, холодно». Между категорическими предложениями наблюдений и полноценными научными теориями есть разница, но такая разница является следствием накопленного опыта – накопленного и отдельным индивидом, и всем научным сообществом – и представляет собой результат овеществления, появления зачатков понятия объекта. Куайн подчеркивает, что наука появляется еще до овеществления, до представления об объекте. Первые категорические предложения наблюдения – уже наука.

Стимул – простое предложение наблюдения – категорическое предложение наблюдения – наука. Эта познавательная цепочка, которую выстраивает Куайн в книге «От стимула к науке», весьма сходна с познавательной цепочкой, предлагаемой Витгенштейном в «Логико-философском трактате». Есть и отличия: ранний Витгенштейн ищет идеальный язык, в то время как Куайн изучает тот язык, который непосредственно используется, в его рождении и развитии. Это разрешает затруднения, которые в «Логико-философском трактате» просто игнорировались и которые продемонстрировали и Вит-

генштейн в «Философских исследованиях», и Куайн в «Онтологической относительности».

Конечно, У. Куайн признает недоопределенность значения слова, не считая, впрочем, что каким-то образом эта недоопределенность угрожает реализму и нашему знанию в принципе. Успешность нашего познания слова он видит в успешности общения: в плавности разговора, предсказуемости реакций, логической и физической правдоподобности. Такой прагматичный подход оказался весьма популярен, и не только в философии языка и эпистемологии. Многие философы представляющие самые разные направления, с энтузиазмом восприняли идею о свободном обращении к эмпирической науке, оценивая успешность той или иной концепции с эмпирической точки зрения [9]. Но позиция Куайна в отношении значения слова вызывает множество споров, что, возможно, привело к тому, что идею выделения проблемы познания слова из проблемы значения слова не оценили в должной мере.

Исследование упомянутых работ Л. Витгенштейна и У. Куайна позволяет сделать вывод, что проблема познания слова действительно является весомой частью проблемы значения. И Куайн, и Витгенштейн указывают на то, что познать слово т.е. овладеть всеми возможными значениями слова, в полной мере невозможно. Витгенштейн при попытке построить четкую картину логической модели научного знания проигнорировал данную проблему, что заставило его вернуться к ней позднее в «Философских исследованиях», и там он подробно рассмотрел проблему и связанные с ней идеи, понятия и сомнения. Мы не можем точно сказать, знаем ли мы – научением или же схватыванием – «правильное» использование слова, если находимся вне определенного контекста. Но в общем случае этого и не требуется. Конкретное слово может интересовать нас только внутри конкретной языковой игры или внутри конкретной теории. В этом смысле построенная Куайном модель научного знания выигрывает за счет практического натуралистического подхода. Куайн начал свое исследование именно с проблемы значения слова в ее разных ракурсах, и это позволило ему сделать свою теорию о значении слова (и о познании слова) отправной точкой для построения модели научного знания.

Литература

1. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат – М.: АСТ, 2018.
2. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Философские работы. – М.: Гнозис, 1994. – Ч. 1.
3. *Куайн У.В.О.* Онтологическая относительность – М.: Логос, 1996.
4. *Куайн У.В.О.* От стимула к науке – М.: Канон+ – 2016.
5. *Куайн У.В.О.* Слово и объект – М.: Логос; Практис, 2000.
6. *Суровцев В.А., Ладов В.А.* Витгенштейн и Крипке: следование правилу, скептический аргумент и точка зрения сообщества. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2008.
7. *Философия, логика, язык* / Сост. и предисл. В.В. Петрова; общ. ред. Д.П. Горского, В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1987.
8. *Gasparri L., Marconi D.* Word Meaning // The Stanford Encyclopedia of Philosophy – Spring 2016 edition / Ed. by E.N. Zalta. – URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2016/entries/word-meaning/>.
9. *Hylton P.* Willard Van Orman Quine // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. – Winter 2018 edition / Ed. by E.N. Zalta. – URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2018/entries/quine/>.
10. *Jonsson, O.P.* Quine and Kripke's Wittgenstein. MIT Working Papers in Linguistics and Philosophy, 2000. URL: <http://uni.hi.is/opj/files/2011/02/OPJ-quine-kripke-wittgenstein.pdf>.

References

1. *Wittgenstein, L.* (2018). Logiko-filosofskiy traktat [Tractatus Logico-Philosophicus]. Moscow, AST Publ. (In Russ.).
2. *Wittgenstein, L.* (2018). Filosofskie issledovaniya [Philosophical Investigations]. In: Wittgenstein, L. Filosofskie raboty. Chast 1 [Philosophical Works. Part 1]. Moscow, Gnozis Publ. (In Russ.).
3. *Quine, U.V.O.* (1996). Ontologicheskaya otnositel'nost' [Ontological Relativity]. Moscow, Logos Publ. (In Russ.).
4. *Quine, U.V.O.* (2016). Ot stimula k nauke [From Stimulus to Science]. Moscow, Kanon+ Publ. (In Russ.).
5. *Quine, U.V.O.* (2000). Slovo i obyekt [Word and Object]. Moscow, Logos Publ., Praxis Publ. (In Russ.).
6. *Surovtsev, V.A. & V.A. Ladov.* (2008). Vitgenshtein i Kripke: sledovanie pravilu, skepticheskiy argument i tochka zreniya soobshchestva [Wittgenstein and Kripke: the rule following, skeptical argument and community view]. Tomsk, Tomsk State University Publ.
7. *Gorskiy, D.P. & V.V. Petrov* (Eds.). (1987). Filosofiya, logika, yazyk [Philosophy, Logic, Language]. Compiled by V.V. Petrov, preface by V.V. Petrov. Moscow, Progress Publ.
8. *Gasparri, L. & D. Marconi.* (2016). Word Meaning. In: Zalta, E.N. (Ed.). The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Spring 2016 Edition. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2016/entries/word-meaning/>.

9. *Hylton, P.* (2018). Willard Van Orman Quine In: Zalta, E.N. (Ed.). The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Winter 2018 Edition. Available at: <<https://plato.stanford.edu/archives/win2018/entries/quine/>>.

10. *Jonsson, O.P.* (2000). Quine and Kripke's Wittgenstein. MIT Working Papers in Linguistics and Philosophy, 2000. Available at: <<http://uni.hi.is/opj/files/2011/02/OPJ-quine-kripke-wittgenstein.pdf>>.

Информация об авторе

Зайкова Алина Сергеевна – аспирантка Института философии и права СО РАН (630090, Россия, Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: zaykova.a.s@gmail.com)

Information about the author

Zaykova Alina Sergeevna – Postgraduate Student at the Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, Russia, e-mail: zaykova.a.s@gmail.com).

Дата поступления 04.02.2019